

ВЛАДИМИР
СПЕКТОР

У ВРЕМЕНИ
ПОД АНГЕЛЬСКИМ
КРЫЛОМ...

Владимир СПЕКТОР

У времени

под ангельским

крылом...

ISBN 978-5-6052746-5-0

9 785605 274650 >

Луганск
2025

УДК 82-1(470)
ББК 84 (4Рос-4Луг) 6-5
С71

С71 **Спектор, Владимир**
У времени под ангельским крылом... Сборник стихотворений:
В. Спектор — Луганск: Арголит, 2025. — 132 с.
ISBN 978-5-6052746-5-0

В своей новой книге известный поэт Владимир Спектор продолжает лирическое, философское осмысление окружающей жизни и происходящих событий, войны и мира, надежд и разочарований. Здесь и раздумья об истории и преемственности поколений, о любви и о вечных нравственных ценностях.

Автор — почетный председатель Межрегионального союза писателей, редактор литературного альманаха «Свой вариант».

В 2015 году стал лауреатом международного литературного конкурса «Открытая Евразия». В 2020 году — лауреатом газеты «Литературные Известия» за лучшую публикацию года. В 2022 году — обладателем «Гран-При» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года на русском языке»

Лауреат нескольких литературных премий, среди которых имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Николая Тихонова...

УДК 82-1(470)
ББК 84 (4Рос-4Луг) 6-5

© Спектор В., 2025
© Арголит, 2025

ISBN 978-5-6052746-5-0

ГЛУБИНА РЕЗКОСТИ

*О творчестве поэта Владимира Спектора
в контексте противостояния культуры
и варварства.*

Сложившаяся ситуация в литературе (да и в обществе) напоминает старорусский обычай — стенка на стенку. Одна братия идёт на другую либо ради забавы, либо ради расправы. Разделение чёткое, не ошибёшься. С одной стороны технически подкованные, но безграмотные варвары с айпадами, Твиттером и знамёнами Цукерберга/Дурова, с другой образованные — как правило, в советское время — «римляне» с томиками Довлатова, Бродского, Цветаевой (они же на знамёнах) и солидным арсеналом знаний, которые вдруг стали бесполезными.

Пожалуй, никогда ещё противостояние между культурой и варварством, «массовкой и духовкой» не было столь явным. Оно достигло пиковой точки, и пропасть, разверзшаяся между невольными противоборствующими сторонами, поглощает их самих. Первые гибнут от глупости, которая, как писал Бонхеффер, «ещё более опасный враг добра, чем злоба», потому что «глупец, в отличие от злодея, абсолютно доволен собой». Другие страдают от неустроенности в жизни, потому что «во многой мудрости много печали»; не в силах найти себя в новом

классе необразованных и невежественных людей, фаулзовских Калибанов, они превращаются в отмирающий атавизм...

В данном контексте творчество поэта Владимира Спектора ценно, прежде всего, тем, что не утратило созидающей функции. Его поэзия генерирует в человеке душевный порыв, стремление для дальнейшего перерождения, когда божественное стяжает животное, а быт переходит в бытие.

Владимир Спектор издал свой первый поэтический сборник в 39 лет (сейчас у него более 20 книг стихов). До этого работал конструктором, стал автором более двух десятков изобретений. Конечно, начал писать стихи он значительно раньше, но вот вещественное доказательство своей творческой состоятельности предъявить не торопился. Возможно, поэтому его поэзия в хорошем смысле взрослая, обстоятельная. В ней есть своя особая жизненная философия; выстраданная, осознанная, взвешенная. Есть и мудрость восприятия мира, которая позволяет говорить о самых глубоких, порой деликатных вещах точно, ёмко, без перегруженности лишними словами и пафосом. Возможно, его стихи не отличаются особой изощрённостью, витиеватой изобретательностью, но в них ощущается преемственность поколений как важное условие дальнейшего развития; слышатся интонации Арсения Тарковского и Юрия Левитанского, Давида Самойлова и Александра Межирова.

Три «кита» — жизненная философия, мудрость, преемственность — формируют программность поэзии Владимира Спектора, которая является той самой первоосновой, когда через алхимию слова и поэт, и — главное — читатель проходят этапы обретения новой (а порой единственной) индивидуальности.

*Не хочется спешить, куда-то торопиться,
А просто — жить и жить, и чтоб родные лица
Не ведали тоски, завистливой печали,
Чтоб не в конце строки рука была —
В начале...*

Про таких, как Владимир Спектор, часто говорят: «Поэзия — его судьба». Наверное, тот факт, что в поэзию, несмотря на все препятствия, объективные и субъективные, он пришёл достаточно поздно, только подтверждает вышесказанное. Пришёл, чтобы остаться. Такой поэт как бы попадает в петлю бытия, сжимающуюся до предела. Это кризис прежнего существования и дальнейшее непрерывное перерождение, строка за строкой, когда больше нет возможности (да и смысла тоже) воспринимать мир набором оперативных команд, необходимых для поддержания физиологической активности. Начат поиск, запущена иная программа, диктующая новый, подчас непонятный окружающим *modus operandi*. Отчасти это путь борьбы, путь страданий и лишений, но и в то же время путь подлинной радости.

*Не изабелла, не мускат,
Чья гроздь — селекции отрада.
А просто — дикий виноград,
Изгой ухоженного сада.
Растёт, не ведая стыда,
И наливаясь терпким соком,
Ветвями тянется туда,
Где небо чисто и высоко.*

Владимир Спектор не прячет смысл за искусственно сотканными кружевами слов и рифм, не пытается создать иллюзию некоего тайного

знания. Наоборот, он старается говорить с читателем максимально доверительно, откровенно. Друг с другом они раз за разом проходят инициацию поэтическим вдохновением. Это передача природной творческой энергии («крива шакти») на клеточном уровне, трансформация душевно мёртвого в живое. Такая открытость, доступность (в хорошем смысле слова) диссонирует с современной тенденцией поэтического нарциссизма, при котором поэты всё чаще пишут для себя и о себе же, упражняясь в словесных изысках ради самого упражнения. Превращение поэзии в вещь в себе и для себя — когда «поэты звонят лишь друг другу, обсуждая, насколько прекрасен их круг» — во многом создаёт недоверие и настороженность читателей, ассоциирующих стихотворца с юродивым или снобом.

Выжить...

Отдать,

Получить,

Накормить.

Сделать...

Успеть,

Дотерпеть,

Не сорваться.

Жизни вибрирует тонкая нить,

Бьётся, как жилка на горле паяца.

Выжить,

Найти,

Не забыть,

Не предать...

Не заклинанье, не просьба, не мантра.

Завтра всё снова начнётся опять.

Это — всего лишь задание на завтра.

Одна из доминантных тем его творчества — осознание и переосмысление нашего общего прошлого, прежде всего, детства. Все мы родом оттуда. Возвращение в детство — это стремление к первоначальному счастью. Читая стихи Владимира Спектора, детство, своё и коллективное, слышишь, видишь, ощущаешь. Испытываешь непосредственную радость, будто листаешь детский фотоальбом, в котором запечатлены лучшие моменты жизни. Это лирическое, порой философское осмысление меняющегося мира, ситуаций, людей, попытка нащупать себя в веренице образов, масок, ролей. Поэтому стихам Владимира Спектора присущи, казалось бы, такие простые, но в то же время столь редкие атрибуты как искренность и доброта.

Медальный отблеск крышек от кефира

Остался за границей веков.

Остались там же — очередь за сыром

И пионерский лозунг «Будь готов!».

Другая жизнь, хорошая, плохая,

В которой по соседству — зло с добром.

А для кого-то отраженье рая

В той крышке с её мнимым серебром.

Несмотря на кажущуюся простоту, эта поэзия обладает куда более важным свойством: она наделена цельностью интонации, которая появляется тогда, когда пережитые страдания и страсти, помноженные на талант, перерастают в многомудрый опыт, определяющий всю дальнейшую судьбу. Строчки лёгкие, воздушные, но в то же время плотные, упругие; всё на своих местах. Эта интонация, как музыка: она то сенти-

ментальная, то жизнеутверждающая, то тоскливая, то радостная. И ею зачаровываешься, спасаешься, согреваешься, забывая о вечной мерзлоте человеческого мира, которому так не хватает душевного тепла.

Это город. И в нём не хватает тепла.

И не осень прохладу с собой принесла.

Не хватает тепла в руках и душе,

В ручке мало тепла и в карандаше.

Не хватает тепла во встречах глазах.

В них смятение и холод. А, может быть, страх.

В этом городе нищим не подают.

Им по праздникам дарят весёлый салют.

В тёмном небе так много слепящих огней,

Но не греют они суету площадей.

Не хватает тепла, хоть работает ТЭЦ

В этом городе тёплых разбитых сердец.

На первый взгляд, стихам Владимира Спектора не хватает изящества формы, зато определённо хватает интерконтекстуальности и глубины текста. Он обладает поистине фотографической точностью взгляда. Это аналитика лирикой, фотография души с особой глубиной резкости. Поэт умеет, вооружившись мудростью, дать точные, яркие образы и зарисовки, создавая во многом кинематографическое многоголосье. Он беседует с читателями, не стараясь перекричать самопровозглашённых гениев и пророков. Владимир Спектор идёт своим путём, создавая громкость иного рода — цельную интонацию искренности, которая, когда стихает шум толпы, неизбежно доходит до читателя. Так говорит душа: шёпотом, без спешки, тихо, размеренно, о главном.

Платон Беседин

ОБ АВТОРЕ

Владимир Спектор родился в 1951 году в Луганске. Окончил Луганский машиностроительный институт. После службы в армии работал в компании «Лугансктепловоз», был ведущим конструктором. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины. С начала 90-х годов работал заместителем директора радио «Скайвэй», главным редактором телекомпании «Эфир-1», редактором журнала «Трансмаш».

С 1998 по 2015 годы избирался членом исполкома Международного сообщества писательских союзов, членом президиума Международного литфонда, председателем правления Межрегионального союза писателей. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор 23 книг стихотворений и очерковой прозы. Лауреат литературных премий, среди которых — имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Сергея Михалкова, Николая Тихонова. В 2015 году стал лауреатом международного конкурса «Открытая Евразия». В 2020 году — лауреатом газеты «Литературные Известия» за лучшую публикацию года. В 2022 году — обладателем «Гран-При» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года на русском языке».

* * *

Выжить... Отдать, получить, накормить.
Сделать... Успеть, дотерпеть, не сорваться.
Жизни вибрирует тонкая нить,
Бьётся, как жилка на горле паяца.

Выжить, найти, не забыть, не предать...
Не заклинание, не просьба, не мантра.
Завтра всё снова начнётся опять.
Это — всего лишь задание на завтра.

* * *

Совсем некстати опера слышна...
Каварадосси с Тоской погибают,
И, как тогда, решает всё война,
В которой музыка звучит по краю
Искусства жить, души не приоткрыв,
И слышать арию, как в небе птицу.
И сквозь войну угадывать мотив,
Что так случайно и легко струится.

* * *

Казалось, там оркестр, а это — ветер...
И каждый слышал музыку свою.
Совсем не ветер за нее в ответе —
Вся жизнь стоит у бездны на краю.

Всё в свой черед — звучали и печали,
И эхом в них — родная сторона.
Орудия внезапно замолчали,
Чтоб «Ода к радости» была слышна.

* * *

Оставим за скобками яркие краски,
Добавим дожди, вычтем зимнее время.
И что в результате? Опасно без маски.
Опасно быть с теми, и страшно — не с теми.

Зима на пороге. И в ритме Вивальди
Уходят одни, а другие смеются.
И время вмерзает под лед на асфальте,
Как вечная тень мировых революций.

* * *

Вновь время мертвых душ. Цена им грош....
Жизнь далека от праведного слова.
Тем более, и тень уже свинцова.
А думалось «уж замуж невтерпёж»...

На праздники встречались за столом
И обсуждали тайны винегрета.
И лишь сейчас понятно: было это
У времени под ангельским крылом

* * *

Было и прошло. Но не бесследно.
Память, словно первая любовь,
Избирательно немилосердна,
Окунаясь в детство вновь и вновь,

Падая в случайные мгновенья,
Где добром отсверкивает зло...
Счастьем было просто ощущение,
Что осталось больше, чем прошло.

* * *

И, в самом деле, всё могло быть хуже. —
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел, кружит,
Как будто подтверждая: «Всё — не плохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт потерям,
Где голубь предстаёт воздушным змеем...
В то, что могло быть хуже — твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее

* * *

И музыка играла, и сердце трепетало...
Но выход был всё там же, не далее, чем вход.
Не далее, не ближе. Кто был никем — обижен.
Я помню, как всё было. А не наоборот.

Я помню, помню, помню и ягоды, и корни,
И даты, как солдаты, стоят в одном ряду.
А врущим я не верю. Находки и потери
Приходят и уходят. И врущие уйдут.

* * *

Всё пройдёт, проходит и прошло
Сквозь огонь несбывшихся желаний.
Помнить, ждать и верить — ремесло
Различать, где поздний, а где ранний

Свет в окне и глаз небесных свет,
Недопонимая смысл урока.
Всё проходит... Память шепчет: «Нет»
И молчит. Тревожно, одиноко...

* * *

Дышу, как в последний раз, пока ещё свет не погас,
И листья взлетают упруго. Иду вдоль Луганских снов,
Как знающий нечто Иов, и выход ищу из круга.

Дышу, как в последний раз, в предутренний, ласковый час,
Взлетая и падая снова. И взлетная полоса,
В мои превратившись глаза, следит за мной несурово.

ОТКРЫТА В КОМНАТУ
ВОСПОМИНАНИЙ ДВЕРЬ

* * *

Открыта в комнату воспоминаний дверь,
Хотя скрипит и поддается туго...
Не списки кораблей — находок и потерь —
Зовут, перекликаются друг с другом...

Тугие паруса и ветер молодой,
Солёный привкус встреч и расставаний...
И память, что наполнена живой водой,
Не делит взмах — на «поздний или ранний».

Где похвалы бутон, а где угрозы плеть —
Не разберёшь, не сыщешь пятый угол...
И нелегко понять, тем более смотреть,
Как за любовью мрак идёт по кругу

* * *

Упавшее небо давит на плечи,
И мне оправдаться пред будущим нечем.
Цепляясь за небо, я падаю тоже.
И только земля провалиться не может.
И, преодолая чужое бессилье,
Я в кровь раздираю не руки, но крылья.

* * *

Ну, что с того, что я там был...

Юрий Левитанский

Ну, что с того, что не был там, где часть моей родни осталась.
Я вовсе «не давлю на жалость»... Что жалость — звёздам и крестам
На тех могилах, где война в обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя, хоть, кажется, ещё видна
Тень правды, что пока жива (а кто-то думал, что убита),
Но память крови и гранита всегда надежней, чем слова.
Ну, что с того, что не был там, во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там — сорок пятый! Забрать хотите? Не отдам.

* * *

А я из ушедшей эпохи, где бродят забытые сны.
Где делятся крохи, как вдохи, на эхо огромной страны.
Я помню и не забываю, откуда, зачем и куда.
Мечты о несбывшемся рае, сгорая, не гасит звезда...

* * *

Дым воспоминаний разъедает глаза.
Память о доме, как воздух, закачана в душу.
Дом пионеров. Салют! Кто против? Кто за?
— Ты ведь не струсишь поднять свою руку? — Не струшу.

Трусить — не трусить... Любишь вишневый компот?
Помнишь рубиновый цвет и обманчивость вкуса?
Память с трудом отдаёт. Но зато как поёт...
Дым превращая в дыхание. А минусы — в плюсы...

* * *

Бессмертие — у каждого своё.
Зато безжизненность — одна на всех.
И молнии внезапное копье
Всегда ли поражает лютый грех?
Сквозь время пограничной полосы,
Сквозь жизнь и смерть — судьбы тугая нить.
И, кажется, любовь, а не часы
Отсчитывает: быть или не быть...

* * *

Лумумба, Дэвис, Корвалан...
Кто помнит звонкость их фамилий.
От «жили-были» до «забыли» —
Тире, как от «пропал» до «пан».

А я вот помню. «Миру — мир»
Кричал на митингах со всеми.
Прошло своё-чужое время.
Конспект зачитан аж до дыр.

А мира не было и нет.
Похоже, здесь ему не рады.
И эхо новой канонады
Летит, как бабочка на свет.

* * *

Облака плывут с востока, и державен их поток.
Безразлична им морока — Запад прав или Восток.
Им, наполненным дождями, важен только свой маршрут
Над полями, над вождями, что пришли и вновь уйдут.

* * *

В своих безбожных небесах
«Шестидесятники», устав от волейбола,
Поют Булата, слушают «Спидолу»,
Читают. Женя, Роберт и Андрей...
Но небеса — темней, темней, темней.
И мрак предательством пропах.

Внизу всё тот же неуют.
Чапаевцы, как тени в пыльных шлемах,
Плывут куда-то с капитаном Немо,
И с косами — не ангелы стоят,
И не понять — кто прав, кто виноват,
И что там у костра поют.

Ломают памятники в дым,
И те, кто в небесах, понять не могут,
Зачем, куда, в какую путь-дорогу
Собрались те, кто, перепутав след,
Осваивают тот и этот свет,
Где страшно мёртвым и живым.

* * *

Где-то на окраине тревог,
Где живут бегущие по кругу,
Вечность перепутала порог,
И в глаза взглянули мы друг другу.
Черствые сухарики мечты
Подарила, обернувшись ветром
В мареве тревожной маеты,
Где окраина так схожа с центром.

* * *

Неужто повторится и всё начнется снова?
Одни и те же лица, всё то же — слово в слово.
Мгновения, как пули — семнадцать — восемнадцать...
Партайгеноссе Мюллер вновь просит нас остаться.

* * *

Запах «Красной Москвы» — середина двадцатого века.
Время — «после войны». Время движется только вперёд.
На углу возле рынка — с весёлым баяном калека.
Он танцует без ног, он без голоса песни поёт...

Это — в памяти всё у меня, у всего поколения.
Мы друг друга в толпе мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время мелькает незваную тенью
И по запаху «Красной Москвы» в подсознание своём...

* * *

Голос эпохи из радиоточки
Слышался в каждом мгновении дня.
В каждом дыхании — плотно и прочно,
Воздух сгущая, храня, хороня

В памяти — времени лики и блики,
Эхо которых очнулось потом
В пении, больше похожем на крики,
В радости с нечеловечьим лицом.

* * *

Яблоки-дички летят, летят... Падают на траву.
Жизнь — это тоже фруктовый сад. В мечтах или наяву
Кто-то цветёт и даёт плоды даже в засушливый год...
Яблоня-дичка не ждёт воды — просто растёт, растёт.

* * *

Не изабелла, не мускат, чья гроздь — селекции отрада.
А просто — дикий виноград, згой ухоженного сада.
Растёт, не ведая стыда, и наливаясь терпким соком,
Ветвями тянется туда, где небо чисто и высоко.

я, к сожаленью, видел это...

* * *

Утренние новости. Семь часов.
Чья-то тревога прошита словами.
Смотрит устало воскресший Иов.
Это не с нами? Нет, это всё с нами.

Кажется, память сильнее, чем магнит.
Но даже сказки не знают ответа.
Кровью за кровь — это не Айболит.
И в новостях не расскажут про это.

* * *

Возвращаются забытые слова,
Проявляются надежды и улыбки,
И весна, как новая глава,
Где краснеют розы, как ошибки.

Хочется найти, поднять, сберечь,
Избежать сомнений ненеправильных,
И не исказить прямую речь,
И Луганск нарисовать как праздник.

* * *

Удар за ударом. Спасибо, Луганск,
Ты учишь терпеть эту боль.
И я, не успевший устать от ласк,
Вживаюсь в судьбу, как в роль.

А жизнь так похожа на «чёрный пиар»,
А мир так насыщен войной...
И надо держать, держать удар
И сердцем, и клеткой грудной.

* * *

Я, к сожалению, видел это —
Плевок ракетный, роковой...
И стало окаянным лето,
А тень войны над головой

Накрыла сумраком смертельным
Любви погасшие зрачки,
Где отразился понедельник
Началом траурной строки.

* * *

Понимаешь, какие дела —
Пахнут кровью чужие пророчества.
Хочет светлой прикинуться мгла,
А вот свету быть мглою не хочется.

Понимаешь, забытые сны,
Возвращаясь, не ведают промаха.
Мгла становится тенью войны,
И витает над ней запах пороха.

* * *

От прошлого не в восторге. Что в будущем? Нет ответа.
Разведчик товарищ Зорге погиб. И доклада нету.
А радио говорило и даже предупреждало:
Настанет время дебилов. Хотя их всегда хватало.

* * *

Тень Шекспира, пролетев над Украиной,
Не заметила ни Гамлета, ни Лира,
Но увидела, что страсти роковые
Разрушительны, как сотни лет назад.
Правят те же персонажи — Зло и Жадность.
И жестокое Коварство над Любовью
Издавается, как прежде. И убийца
Торжествует. И никто не виноват.

* * *

Принимаю горечь дня, как лекарственное средство.
На закуску у меня карамельный привкус детства.
С горечью знаком сполна — внутривенно и наружно.
Растворились в ней война и любовь, и страх, и дружба...

* * *

Не выкорчевываю корни — извлекаю.
 Любовь и дружбу не делю, не вычитаю.
 Читаю мысли, что считают — повезло.
 И умножаю, умножаю, умножаю
 Печаль и слёзы на удаче. И не знаю,
 Как вывести за скобки боль и зло.
 Гармонию и алгебру не разделяя,
 Я цену правды познаю — не вычисляю,
 И степень милосердия ценю сильнее.
 Есть план решения, но нет пока ответа,
 И доказательств теоремы тоже нету.
 И длится, длится извлечение корней.

* * *

Не отключается кнопка «Прошедшее время»,
 В чьих зеркалах отражение юности длится.
 Вместе со всеми я тоже ловлю отраженье,
 Тенью своею вращая в любимые лица.

В будущем времени — только вопросы, вопросы...
 Кнопка его каждый раз нажимается туго.
 Что-то мешает глазам — то ли дождь, то ли слёзы,
 Чтоб отразиться навеки, теряя друг друга.

* * *

Не так уж много лет прошло —
 И вот забыты печи.
 Из пепла возродилось зло,
 А пепел — человеческий...
 Отец, ты где на небесах,
 В раю? А, может, в гетто?
 Я знаю, что такое страх,
 Здесь, на Земле, не где-то...

* * *

В Освенциме сегодня тишина.
 Не слышно стонов, выстрелов, проклятий
 Хотя почти забытая война
 Не выпускает из своих объятий

И тех, кто обживает небеса,
 И тех, кто на земле еще покуда.
 А память воскрешает голоса,
 Которые доносятся ОТТУДА.

Они звучат сегодня и во мне,
 Живые строки Нового Завета,
 Где жизнь сгорает в бешеном огне.
 За что и почему? — И нет ответа.

За что и почему? — Ответа нет.
 Да и вопросы забываются с годами.
 И, кажется, чернеет белый свет —
 Под бормотанье: «Было, но не с нами...»

Потомки Геббельса — как сорная трава,
 Напаявшая незабудок маски.
 И кругом — от неправды голова
 В Нью-Йорке, и в Варшаве, и в Луганске.

Мол, там совсем не мучили, не жгли
 В тех лагерях, где жизнь страшнее смерти.
 Но стон доносится из-под земли:
 Вы слышите: «Не верьте им, не верьте...»

В Освенциме сегодня тишина,
 И не седеют волосы убитых.
 Приходят и уходят времена
 И, проявляясь на могильных плитах,

Бессмертны имена познавших ад,
 И в небеса ушедших без ответа.
 За что и почему? Они молчат.
 И словно божий суд, молчанье это.

* * *

Условно делимы на «право» и «лево».
 Как славно незримы «король, королева,
 Сапожник, портной»...
 Это со мною и с целой страной,

Где всех поделили почти безусловно
 На «любишь — не любишь», на «ровно — не ровно»,
 А будто вчера —
 Жизни беспечной была, как сестра,

Страна, где так быстро привыкли к плохому,
 Где «эныки-беныки» вышли из дому,
 А следом свинец,
 Хочешь — не хочешь, но сказке — конец.

* * *

Едем, едем... Кто-то кружит. Кто — петляет по спирали.
 И следит — не сесть бы в лужу, чтобы вдруг не обогнали.

А дорога-то щербата. Проезжаем чьи-то даты,
 Чьи-то хаты, казематы... В небе скачет конь крылатый.

А дорога — не цветами, вся усыпана камнями,
 Изборождена следами, и пропитана веками, и годами,
 и часами...

И слезами вся дорога, как святой водой умыта.
Скользко. Смотрят все под ноги. Сеют звезды через сито.

В спешке звёзд не замечают. Звезды падают на землю.
А дорога мчится дальше. А из звёзд растут деревья

* * *

Из-под снега выглянет асфальт —
Как лицо из-под белил.
Главного ещё я не сказал.
Хоть и много, вроде, говорил.
Все старо, как прошлогодний снег.
Да и нынешний уже не нов.
Хоть и близким кажется успех —
Дотянуться не хватает слов.
Поищу их в письмах фронтовых.
Там про снег и про войну.
В лица дядей вечно молодых
Сквозь их строки загляну.
Снег в тех письмах — вечно молодой,
Лучшие слова — одни на всех.
Время между мною и войной —
Утрамбовано, как снег.

* * *

Снегу не хватает белизны,
Миру не хватает тишины,
Злости не хватает добрякам,
Доброты — решительным рукам,
Теплоты — во взглядах на бегу,
Паруса — на тихом берегу,
Мира — в небесах и на земле...
Только снега много в феврале.
Но и снегу не хватает белизны.
В феврале цветные снятся сны.
Не хватает пенья майских птиц,
Просто счастья для знакомых лиц.

ДЕТСТВО

Дед шил шапки
И пел песни.
А я сидел на столе
И ел картошку.
Пахло кожей
И тёплым мехом.
А на стене
Висела карта мира.
И два портрета
С той картой рядом.
А на них —
Два моих дяди,
Одеты в солдатскую форму,
Чему-то задорно смеялись...
Давно дед сшил
Последнюю шапку.
Давно дед спел последнюю песню.
А со своих портретов
Смеются геройски дяди...
Смеются
Из моего детства.

* * *

Вспоминаю армейскую жизнь.
Как шептал я себе: «Держись!»
Как гонял меня старшина
И кричал мне: «А, вдруг, война?..»
Как я песни в строю орал,
Как потом в лазарете хворал.
Как до блеска я драил полы,
Как казался себе удалым,
Хоть и не был большим удалцом —
Хмурый воин с худущим лицом.
Но зато по команде «Отбой» —
Засыпал я, довольный судьбой,
Потому что служил стране,
И светилась звезда в окне,
Потому что, как ни ряди —
Жизнь была ещё вся впереди.

* * *

Пахнет армией зима.
Строевых занятий топот,
Песен свист (куда твой Сопот!),
Снега скрип и кутерьма
Сводят вновь меня с ума.
Пахнет армией зима.
Сапогами из сушилки,
Пирогам из посылки,
И не ведает сама
Как на ту она похожа,
Ту, что строже и моложе,
Что растаяла в руке
В том военном городке...

* * *

Всё это нужно пережить, перетерпеть и переждать.
Суровой оказалась нить и толстой — общая тетрадь
Судьбы, которая и шьёт, и пишет — только наугад.
Я понимаю — всё пройдёт. Но дни — летят, летят, летят...

ВРЕМЯ МЕНЯЕТ АДРЕС

* * *

О том же — другими словами.
Но кровь не меняет свой цвет.
Всё то же — теперь уже с нами,
Сквозь память растоптанных лет.

Растоптанных, взорванных, сбитых
На взлёте. И всё — как всегда...
И кровью стекает с гранита
Совсем не случайно звезда.

* * *

Двойные стандарты. А, может, тройные...
И даже не прячется фи́га в карман.
Враньё — как экзема. Как жизнь — аллергия.
И кажется, тот, кто не пьян, всё же пьян.

А если не пьян, то считает нетрезвым
Тебя и меня, всех, кто слышит враньё...
По сердцу стеклянному будто железом
Ведут и ведут, и долдонят своё...

* * *

Казалось бы, пустяк... Не верить, или верить.
Вдоль памяти — сквозняк, хоть заперты все двери.
А в памяти пробел, и пыль забытых точек,
Успел и не успел. Прицел привычно точен.

Плати, лети, не лги. В пустыне пляшет ветер,
Он режет на круги всё то, за что в ответе.
Он в памяти — сквозняк, как тень в чужом прицеле.
Как день, где всё не так. Всё так, на самом деле...

* * *

В клетке грудной душа, видно, и впрямь томится,
Словно в темнице птица, та, что, крылом шурша,
Мечется день и ночь, боль примиряя с пеньем,
А суету — с томленьем, то ли хотя помочь,
То ли сквозь «да» и «нет», сердцем на свет ведома,
В клетке грудной, как дома, тьмою рождая свет.

* * *

Свет, преломляющий мир, словно хлеб,
Преломляется в линзах очков.
Мир преломлённый пока не ослеп,
Но средь слепых дурачков
Не мудрено заблудиться в цветах,
Вновь поделив их на «те» и «не те».
Как, преломляя извечный страх,
Выйти не хлебным путём к доброте?

* * *

Асфальтовою ниткой прошита тень небес.
Маршрутною улиткой чуть движется прогресс.
А в небесах ракеты, как тополиный пух...
От песен, что не спеты, захватывает дух.

От Слова, что готово, как сердце из груди,
Взлететь и биться снова, и падать, как дожди
На Землю, тень которой, пронзая млечный путь,
Ложится в разговоры, вскрывая смысл и суть.

* * *

Оруэлл смотрит с небес, издалека,
Кажется, видит своё отраженье...
Эхо войны улетает в облака
В мирное небо сквозь воздух осенний.

Миром зовется война, и как тогда
Скотным дворам веселиться не тесно.
Оруэлл, видишь: словно вода — беда,
Слышишь, как стоном становится песня?..

* * *

Верят не в правду, а в то, во что хочется верить.
Здравствуй, Мессия, летящий по небу незримо.
Люди взрывают друг друга. А кажется — звери.
Верят, взрывая, что ты не за ними, а с ними.

Верят-не верят... Как все. Повторяют упрямо,
Мир заменив на войну, где «свои» и «чужие»...
А на прощание, вдруг, вспоминается «мама».
И пролетающий в небе незримо Мессия...

* * *

Прохожу вдоль неузнанных лиц.
Напевая, меняю пластинку.
Не с судьбой, и не в шахматах — блиц.
Это прошлых фантазий починка.

Там вещает, прощаясь, ФМ
Отражением странной эпохи.
Растворяюсь почти что совсем
В той стране, как в неузнанном вздохе.

* * *

По четвергам давно нет рыбных дней.
Остались в прошлом, погрузились в
Лету
Столовые, где рыбные котлеты
Сквозь годы кажутся сейчас вкусней.

А было всё — впазд и невпазд,
И горечью приправленная пресность.
Собою прикрывала неизвестность,
В которой не котлеты — дни горчат...

* * *

По городу, в котором «да» и «нет»
Витают, то спеша, то не спеша,
Шагает вместе с памятью, след в след,
полузабытая, как сон, душа.

Не пустота страшит, не тень в глазах,
Не поцелуй, угасший поутру.
А позабытый, видно, впопыхах,
наивный взгляд на бешеном ветру.

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

* * *

Тротиловый эквивалент любви
Не убивает, не калечит.
Кому-то расправляет плечи
Пульсируя в восторженной крови.
Ну, а кому-нибудь наоборот
Ссутулит плечи и фигуру.
И кровь струиться будет хмуро,
Хоть ничего-то не произойдёт.

Но там внутри, где эхо тишины
Не менее взрывоопасно.
Где ничего ещё не ясно,
Слова любви, как выстрелы слышны.
И там тротиловое волшебство,
Любовью время разгоняя,
Разгадывает сущность рая,
Где есть любовь и больше ничего.

* * *

В мои летящие песни ты проникаешь сквозь воздух.
Ты проникаешь взглядом к моим потаённым мечтам...
Но пересыхает в гортани осеннее слово «поздно»,
И память вскрывает пространство на вечные «тут» и «там».

За гранью дыхания — тени забытых воздушных замков.
Там — память и поцелуи, и нашей любви цветы.
Там — жизнь без волшебных сказок и скатерти-самобранки.
Но главное, что за гранью дыхания — и я, и ты...

* * *

Как живётся? — В контексте событий.
И, наверно, в контексте тревог,
Наслаждаясь луною в зените,
Как мерцаньем чарующих строк.

Как живётся? — С мечтой о Карраре,
Невзирая на то, что труха, —
Повсеместно, не только в амбаре.
И лишь шаг — от любви до греха...

Но, взрывая нелепые будни,
Прорываясь сквозь дни и века,
И сквозь слёзы — любовь неподсудна,
И, как стих, иногда высока.

* * *

Тёплый ветер, как подарок с юга.
Посреди ненастья — добрый знак.
Как рукопожатье друга,
Как улыбка вдруг и просто так.
Жизнь теплей всего лишь на дыханье,
И длинней — всего лишь на него.
Облака — от встречи до прощанья,
И судьба. И больше ничего.

* * *

Всё своё — лишь в себе, в себе,
И хорошее, и плохое.
В этой жизни, подобной борьбе,
Знаю точно, чего я стою.

Знаю точно, что всё пройдёт.
Всё пройдёт и начнётся снова.
И в душе моей битый лёд —
Лишь живительной влаги основа.

* * *

История любви забытой,
Растерянно, задёрганной, разбитой
На тысячи осколочных ночей,
На тысячи житейских мелочей,
На крохи правды и мгновения обмана.
Любовь разбитая похожа на тирана,
Пытающего душу, плоть и кровь...
Любовь забытая. Но всё-таки, любовь,
Хоть горькая, обидная и злая.
Пускай не рай. Но отблеск рая.

* * *

Подожди, душа моя,
Слышишь, музыка струится,
То ли грусти не тая,
То ли, как ночная птица,

Превращая ремесло
В Божий дар и вдохновенье,
И мгновенье, что пришло,
Поднимая на крыло,
Вслед за прожитым мгновеньем...

* * *

Ожиданье чуда, как любви,
Ожиданье счастья, как прозренья.
Кажется, что только позови —
От спасенья и до воскресенья

Пролетит эпоха, словно миг,
В отраженье звёздами вращая...
Вслед за ней парю в глазах твоих,
Хоть чудес давно не ожидаю.

* * *

Гудки локомотивов маневровых,
Ночная перекличка поездов
И мыслей, от бессонницы суровых,
Как путешественник и командор Седов...

Но в мыслях, что суровы только внешне,
Вопросов вязь, надежды и мечты.
И речь друзей, и лица их, конечно,
И много ещё разного. И ты.

* * *

Не слова, не отсутствие слов...
Может быть, ощущение полёта.
Может быть. Но ещё любовь —
Это будни, болезни, заботы.

И готовность помочь, спасти,
Улыбнуться в момент, когда худо.
Так бывает не часто, учти.
Но не реже, чем всякое чудо.

* * *

Самолёты летают реже.
Только небо не стало чище.
И по-прежнему взгляды ищут
Свет любви или свет надежды.

Самолёты летят по кругу.
Возвращаются новые лица.
Но пока ещё сердце стучится,
Мы с тобою нужны друг другу.

* * *

И взгляд, как поцелуй, короткий,
Но, всё ж, пронзающий насквозь,
И тень стремительной походки,
И ощущение, что «всерьёз»...

И тонкий луч, как стих Марины,
Сквозь одиночества печать...
И жизнь — как клинопись на глине,
Где мне не всё дано понять.

* * *

Опять всё мелочно и зыбко,
И все заботы — об одном.
И лишь случайная улыбка,
Перевернув в душе вверх дном

Всё то, что мыслями зовётся,
Отвлечь способна и увлечь,
Чтоб снова Пушкинское солнце
Смогло взрастить прямую речь.

* * *

Сигаретный дым уходит в небо,
Тает в воздухе последнее «Прости»...
Над дорогой, городом, над хлебом —
Божьи и житейские пути.

Жизнь зависла над чертополохом.
Только мир, по-прежнему большой.
Не хочу сказать, что все — так плохо,
Не могу сказать, что хорошо.

* * *

Давай не думать о плохом, страницы дней листая.
Пусть даже, словно птица, в дом влетает весть лихая.
И день пройдёт, и ночь пройдёт, и вместо утешенья
Судьбы продолжится полёт сквозь память и прощенье

* * *

По улице Советской иду, иду, иду...
И длится сон, как детство, и память на ходу
Выхватывает фото полузабытых лет,
Где что-то или кто-то знакомы или нет,

Кто лучше, а кто — хуже, кто хоть чужой, но свой.
Где тот, кому я нужен, кивает головой.
Где явь сильнее фальши, а сны еще легки.
Где чудеса не дальше протянутой руки.

* * *

Думаю о будущем и прошлом,
Что стало истинным, что — ложным,
О бизнесе и комсомольском марше,
О поколении, что стало старше
На фоне встреч и расставаний,
А также — разочарований.
О том, что сытость — не всегда отрада,
А боль, по-прежнему, за всё награда,
О том, что хорошо — не значит — бедно.
О том, что думать — никогда не вредно.

* * *

Каждый видит лишь то, что хочет
Каждый знает лишь то, что умеет.
Кто-то отметит, что день — короче,
А для кого-то лишь ночь длиннее.

Но и разбив черепаший панцирь
дня или ночи, в осколках желаний
Отблески счастья найдёшь, между прочим,
Словно последнюю мелочь в кармане.

* * *

Среди мыслей о насущном хлебе,
О делах, долгах, вчерашнем дне,
Боже мой, журавликами в небе —
Мысли о тебе и обо мне.

И восходит, кажется, сиянье,
За собою в вышину маня,
Как награда — общее дыханье
Каждого мгновения и дня.

Каждого мгновенья, что сгорает
В пляшущем, не гаснущем огне...
И мерцает, с вечностью играя,
Память о тебе и обо мне.

* * *

В раю не все блаженствуют, однако.
Есть обитатели случайные.
Речь не о том, что в небе много брака,
И не о том, что ангелы печальные
Никак не сварят манну по потребности
И шалаши с комфортом всем не розданы...
Но что-то есть ещё, помимо бедности,
В чём чувство рая близко чувству Родины.

* * *

Незаконченность мира, любви, перемен,
Неизбывность, но не обреченность.
Забываю, прощаю встающих с колен,
Злобу их обратив во влюблённость.

Облака из души воспаряют туда,
Где им плыть, небеса укрывая,
Где, рождаясь, надеждою манит звезда,
Обретая законченность рая...

* * *

У зависти и корень, и язык
Длинней,
Чем у степного сорняка.
Привык к успеху ты,
Иль не привык —
Но с завистью знаком наверняка.
Она тебя уколёт побольней.
Ведь ей известно всё, всегда,
про всех...
И, всё же, если нравишься ты ей,
То это значит, ты обрёл успех!

* * *

Блеск хромовых сапог тогда,
Как чудо электроники сейчас.
И неизменна лишь звезда,
Чей вечный взгляд сквозь время не угас.

В нём — суета и маета
Полузабытых дел, ненужных слов.
Не для души всё, но — для рта...
А для звезды небесной — лишь любовь.

* * *

Сединой в бороде серебрится прошедшее время.
Чьи-то лики сквозь блики и вспышки на солнце мелькают.
Бесы рёбра щекают и что-то внушают по теме,
Отправляя не время, а то, что во времени, — в аут.

Что-то ангелы тихо поют о добре, но не веско.
И пространство души наполняется гулом сраженья.
«Про любовь» — это песня, а, может быть, лишь «эсэмэска»,
Где шрапнелью взрывается точка в конце предложенья.

* * *

Не хватает не злости,
Не нежности —
Не хватает в судьбе безмятежности,
Не хватает улыбки крылатой,
Лёгкой детскости, не виноватой
В том, что всё получилось
так странно,
Что в смятении люди и страны,
Что в конце благодатного лета
Все прозаики мы. Не поэты.

* * *

От возраста находок вдалеке
Я привыкаю к возрасту потерь.
И где пятёрки были в дневнике,
Пробелы появляются теперь.

А я в душе — всё тот же ученик.
Учу урок, да не идёт он впрок.
Хоть, кажется, уже почти привык
К тому, что чаще стал звонить звонок.

* * *

И бабка, что курила «Беломор»,
И та, что рядом с нею восседала,
Покинули, покинули наш двор.
И на скамейке пусто стало.

И только девочка трех лет
Зовёт беспечно: «Баба Сима!..»
Да белый свет. Да синий цвет,
Да желтый лист, летящий мимо.

* * *

Что это? Горьких вишен
В этом году так много.
Что-то в моих деревьях
Сладость пошла на убыль.
Горечь дождей осенних
Въелась в судьбу, в дорогу.
И пропитала землю,
И перешла на губы...

* * *

Удача в профиль и анфас
Сквозит сквозь «да» и «нет»,
Как незатейливый рассказ
Сквозь красочный сюжет,
Как сквозь зеркальное стекло
Сквозит то смех, то плач
Во время счастья, что прошло
На сквозняке удач.

* * *

У дружбы и любви на страже —
Отсутствие корысти и причин.
Иначе — купля и продажа
Друзей, неверных женщин и мужчин.

Знакомо всем и повсеместно
Предательство, то громкое, как джаз,
То скрытое мотивом мести...
А вот меня спасали, и не раз

Друзья, неожиданно, не картинно.
И ангел пел над заводской трубой...
А были и удары в спину,
И ангел плакал над моей судьбой.

* * *

Кленовых вертолётиков полёт,
Потом — паренье листьев под дождём.
И осень полупшепотом поёт,
Как мы на разных улицах поём,

Встречаясь и прощаясь, находя
Забывтый голос и случайный взгляд...
Под искрами кленового дождя,
Идя вперёд и падая назад.

* * *

Хрупкое равенство дня и меня,
И времени горький осадок.
А за спиною — всё та же возня,
Где вкус равнодушия — сладок.
Дней оголтелость упрячу в карман,
Тёплой ладонью согрею...
Тают обиды, и гаснет обман.
И даже враги — добрее.

* * *

Небо сменило кожу, деревья меняют краску.
Это — не новый имидж, это — возврат к судьбе.
Значит, почти что прожит этот подарок царский.
Снова небесный Китеж птиц призовет к себе.
Дождь превратив в чернила, раскрашивая неярко
Дни, и траву, и листья, осень дарует час.
Час для любви и света, посланье с небесной маркой,
Где листья, как поцелуи, и всё — как в последний раз.

* * *

Где-то на окраине тревог,
Где живут бегущие по кругу,
Вечность перепутала порог,
И в глаза взглянули мы друг другу.

Черствые сухарики мечты
Подарила, обернувшись ветром
В мареве тревожной маеты,
Где окраина так схожа с центром.

* * *

Как плахи нет без палача,
А без картины — отраженья,
Так целое — виднее в мелочах,
Словно подарок в день рожденья.

Подлец себя не видит подлецом,
Он деликатен для себя в избытке,
Себя жалея, хмурится лицом,
Смывая капли крови после пытки.

За всё себя готов он оправдать,
Он — просто выполняет своё дело.
Но Каинова светится печать,
На мелочах, да и на жизни в целом.

* * *

В небесную высь по наивности, видно, стремлюсь,
В пространство от счастья до пятого времени года.
И пусть заблужусь, ошибусь, ушибусь. Ну и пусть.
Но вдруг приоткроется тайна вещей и природы.

Где вещая память пророчит, пугая меня,
Там чьи-то следы — к облакам, на века, сквозь погосты.
Там пятое время не года, а жизни, маня,
Зовёт и меня в эту высь, где не падают звёзды.

* * *

Мне все ещё как будто невдомёк,
Мне кажется, что я не понимаю...
Стучит будильник, но молчит звонок,
Звучит симфония, не первая — седьмая.

Какой сумбур! Какая благодать!
И первый день похож на день последний.
О чём там говорить, о чём молчать,
Когда уже ломают дверь в передней.

* * *

Идут незримые минуты, но внятен их тревожный гул.
Не забирай мою цикуту, я всё равно уже хлебнул.
Не забирай, прошу, не трогай, ты видишь — нет на мне лица.
Я подышу перед дорогой, я это выпью до конца.

Я всё равно уже отравлен, но мне отравы эта — всласть.
Там, где от центра до окраин не слаще выжить, чем пропасть.
И пусть свеча почти задута, я и допью, и допою.
Не забирай мою цикуту, пускай отраву, но мою!

* * *

Тороплюсь, не поспешая, медлю тоже невпопад...
Солнце, как любовь большая, освещает всё подряд.
То налево, то направо, наугад и напрямик...
Где-то деньги, где-то слава, я к ним так и не привык.
Даже плача, улыбаюсь, не хочу терять лица,
Постепенно продвигаясь от начала до конца.

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

* * *

Ничего не изменилось,
Только время растворилось,
И теперь течёт во мне.
Только кровь моя сгустилась,
Только крылья заострились
Меж лопаток на спине,
И лечу я, как во сне.
Как цыганка нагадала:
Всё, что будет — будет мало.
Быть мне нищим и святым.
Где-то в сумраке вокзала
Мне дорогу указала.
Оглянулся — только дым.
Где огонь был — всё дымится.
Крыльев нет. Но есть страница,
Вся в слезах. Или мечтах.
На странице чьи-то лица.
Небо, дым,
А в небе птицы,
Лица с песней на устах.
Ветер временем играет.
Ветер кровь
Мою смущает
Наяву или во сне.
Мальчик с узкими плечами,
Парень с хмурыми очами —
Я не в вас. Но вы во мне.

Мы с лопаткой на ремне
Маршируем на ученье,
Всё слышнее наше пенье.
Мы шагаем и поём.
О красавице-дивчине,
О судьбе и о калине,
И о времени своём.

* * *

От мыса «Надежда» до города «Счастье»
Билеты в продаже бывают нечасто.
Зато остановку с названием «Печали»
На нашем маршруте не раз мы встречали.

Там суетно, зябко, тревожно, неловко.
Но, всё-таки, это своя остановка.
Дороги ведут и туда, и оттуда.
В надежде на счастье, в надежде на чудо.

* * *

Бывший ромб перестроился в круг,
Разгладив тупые углы...
Старый враг говорит тебе: «Друг»,
Вратарь забивает голы.
День темнеет и падает в ночь,
Улыбаясь, светлеет мрак...
Тот, кто может, не хочет помочь,
Тот, кто хочет, не знает как.

* * *

С прошедшим временем вагоны
Стоят, готовые к разгрузке.
Летает ангел полусонный
Вблизи ворот, незримо узких.

Там, у ворот, вагонам тесно,
И время прошлое клубится...
Всё было честно и нечестно,
Сквозь правду проступают лица.

Всё было медленно к несчастью,
Со скрипом открывались двери.
Власть времени и время власти,
Учили верить и не верить,

И привыкать к потерям тоже —
Друзей, что трудно и не трудно.
До одурения, до дрожи,
Себя теряя безрассудно,

Терпеть, и праздничные даты
Хранить, как бабочку в ладони,
Чтобы когда-нибудь, когда-то
Найти их в грузовом вагоне.

Найти всё то, что потерялось,
Неосязаемую тенью...
А что осталось? Просто малость —
Любовь и ангельское пенье.

* * *

Всё — как прошлой зимой, то в окне, то в зрачках — непогода.
Полусонный покой — на земле, в небесах... Лишь душа,
В небеса воспарив, до заветного звёздного брода,
В непогоду сквозь боль несвободы парит, чуть дыша.

Всё, как прошлой зимой, но не так, хоть мгновенья похожи.
Снегом стала другая вода. И другая беда
Расцарапала память до боли другой, и до дрожи,
Всё, что было «сейчас», уводя из «всегда» в «никогда»...

* * *

Невзначай, ненароком, случайно —
Что такое, за что — не пойму.
Загляну в переулок, как в тайну,
Что живёт в обветшалом дому.

Там старуха сидит молчаливо,
Там старик смотрит хмуро в окно.
Во дворе осыпаются сливы —
Их зимою не есть всё равно.

Ощутишь вдруг такое томленье
Дней прошедших, и тех, что идут.
Будто годы, сжимая в мгновенья,
Призывает к себе Страшный суд.

* * *

Сбой в системе координат.
Видишь — нормою стало предательство.
И не климат в том виноват,
И не личные обстоятельства.
Просто пала горизонталь,
Заменив содержание формою,
Где, устав от закалки, сталь
Утвердила предательство нормою.

* * *

Любовь, как поэзия, без дураков
Не может парить и творить.
Безумные чувства и магию слов,
Сплетая в суровую нить,
Суровая жизнь, где любовь и стихи
Легки, даже если всерьёз,
Дарует лишь тем, кто как все дураки,
Мечтают, не чуя угроз.

* * *

Нет времени объятья раскрывать,
И — уклоняться некогда от них.
И в спешке пропадает благодать,
Чужих не отличая от своих.
Нет времени сравнить добро и зло,
Не забывая в муках о добре...
От «было» до «проходит» и «прошло» —
Нет времени. Нет времени. Нет вре...

* * *

А ради чего, объясни, сквозь пальцы текут эти дни,
Еще объясни мне, куда текут они, словно вода.
И что ожидает всех нас в тот самый неведомый час,
Когда вдруг отключится свет — и вот уже времени нет
Для тех, кто уходит во тьму. Куда и зачем — не пойму...

* * *

Провинциальных снов задумчивый простор,
Неспешный, как туман, окраины укрывший,
Как времени с судьбой негромкий разговор,
Который души рвёт и манит выше крыши.

Но в небе — облака, а на земле уют,
Порядок простоты и простота порядка.
И только по ночам по-прежнему зовут
Не пойманные сны, летая без оглядки.

* * *

На окраинах воздух свежей,
На окраинах дышится легче.
Там «Ещё», позабыв про «Уже»,
Беззаботно шагает навстречу
Дню и ночи, не думая впрок,
Кто удачливей — принц или нищий?
Тот — не близок, а тот — не далёк...
Ну, а воздух — действительно чище.

* * *

«Больше дела, меньше слов, до свиданья, будь здоров!» —
Так отец повторял, я смеялся, а время летело...
«До свиданья» сменилось, увы, на «прощай».
В неизвестность отъехал последний трамвай.
Больше, всё-таки, слов и печали. Такое вот дело.
А на фотках — улыбки, и взгляд без тревог,
Машет шляпой с трибуны смешной полубог,
И «Ура» отвечают, шагая не в ногу, колонны...
Больше дела, — отец напевал, — меньше слов,
Я не спорю, допеть эту песню готов,
И пою. Только привкус у пения нежданно солёный.

* * *

Кажется, что смотрю в даль
И вижу былой горизонт.
Там закаляется сталь,
Днем и ночью — трудовой фронт.

Но сквозь «ветер в ушах — БАМ»
Там другие слышны слова.
«Люблю тебя» — тоже там,
Видно, память всегда права,

Забывая боль, как сон,
Вспоминая тебя и нас...
Под небом былых времён
Я помню, я плачу сейчас.

* * *

— Всё хорошо. Только небо сердито,
Гром, как внезапный разрыв динамита
Или как эхо ночной канонады...
— Может быть, хватит, об этом. Не надо...

— Всё хорошо. Только дождь без просвета.
— Это преддверие бабьего лета,
Дальней зимы и мужской непогоды...

— Капля за каплей, за годами годы
Всё хорошо, — повторяю я снова,
Мальчик из прошлого. Дедушка. Вова...

* * *

Мама обожала мелодрамы,
«Жизненные фильмы» — говорила,
Пересказывала их упрямо,
Поучая на примере «мыла».
Что там нынче смотрит «баба Женя»,
Зная, что гроза не миновала?
Жизни поднебесной отраженьё,
Где войною стали сериалы?
В облаке, как в кресле, засыпая,
Облетая горести по краю...
Мамины послания из рая
Понимаю и не понимаю.

* * *

Никого по отдельности нет.
Все впрессованы в родственный лёд —
И повенчанный с ночью рассвет,
И закат, давший ночи развод.

Лёд, случается, тает порой,
Обнажая греховность обид.
Вновь скрепляет всё только любовь,
Даже тем, что внезапно молчит.

* * *

Среди забытых басен и былин,
Среди небрежно отзвучавших песен,
Не раб, по сути, и не господин,
Но, может быть, кому-то интересен.

Возможно, интересен тем, что жив,
Что в памяти — прошедших дней отравы.
А прошлый снег, следы припорошив,
Идёт, как кот, налево и направо...

* * *

Лежит судьба, как общая тетрадь,
Где среди точек пляшут запятые,
Где строки то прямые, то косые,
И где ошибок мне не сосчитать.

Бежит строка в дорожной суете,
И я, как Бог за всё, что в ней — в ответе.
А в небесах рисует строки ветер.
Он в творчестве всегда на высоте.

А у меня сквозь изменность страстей,
Невольную печаль воспоминаний
Таранит, разбивая жизнь на грани,
Строка любви, парящая над ней

* * *

Он попал под автобус «Ростов — Мариуполь»,
И кровавые пятна затмили стекло.
Как обычно, толпа хлопотала над трупом,
И шофёра в тоске безысходной рвало.

Между двух городов, посредине дороги
Он лежал на земле. Не бывает чудес.
Но завыл верный пёс во дворе в Таганроге.
И упала слеза из развёрстых небес.

* * *

Увидь меня летящим, но только не в аду.
Увидь меня летящим в том городском саду,
Где нету карусели, где только тьма и свет...
Увидь меня летящим. Там, где полетов нет.

* * *

Перпендикуляр в параллельных мирах...
Что он ищет? Какую родню?
Память детства на пионерских кострах,
Догорают. Её не виню.

Эта память — сама перпендикуляр
К параллелям гламурного дня.
Пионерский костёр похож на пожар,
Догоревший в душе у меня.

* * *

Мне все ещё как будто невдомёк,
Мне кажется, что я не понимаю...
Стучит будильник, но молчит звонок,
Звучит симфония, не первая — седьмая.

Какой сумбур! Какая благодать!
И первый день похож на день последний.
О чём там говорить, о чём молчать,
Когда уже ломают дверь в передней.

* * *

И тень в окне, и мысли озаренье —
Лишь кажется, что это невзначай.
Как отблеск жизни — каждое мгновенье
Таится между «здравствуй» и «прощай».

Не стой под эхом — первые свиданья
Вдруг оглушают, приглашая вновь
Туда, где мимолётны расставанья,
Как тень в окне, как первая любовь.

* * *

Небо Аустерлица проглядывает сквозь синеву.
Оно прямо здесь, надо мною, и я его вижу.
Что происходит? Сгущается мрак не во сне, наяву.
И гром канонады внезапно, бессовестно ближе.

Князя Андрея зрачки отразились в чужих небесах.
И вечность читает на русском, не чувствуя боли.
Там, в облаках, леденеет ещё не прочитанный страх,
Который остался забытою книжкой в школе.

* * *

Природа танца — в танцах от природы.
Под ветром ива — будто балерина.
И человек под ветром несвободы
Податлив, как танцующая глина.

Но танец, растворимый, словно кофе,
У глины проявляет твердь гранита,
Когда любовь тождественна Голгофе,
И память пляской ветра не сокрыта.

* * *

- Ты слышишь, как сердце стучит у меня?
— Нет, это — колёса по рельсам...
- Ты видишь — дрожу я в сиянии дня?
— Ты мёрзнешь. Теплее оденься...
- Ты видишь — слезинки текут по щекам?
— Нет, это дождинки — к удаче...
- Ты чувствуешь — я ухожу к облакам?
— Я вижу, я слышу... Я плачу.

* * *

Подожди, душа моя,
Слышишь, музыка струится,
То ли грусти не тая,
То ли, как ночная птица,
Превращая ремесло
В Божий дар и вдохновенье,
И мгновенье, что пришло,
Поднимая на крыло,
Вслед за прожитым мгновеньем...

* * *

Этот город, как «пятёрка» в дневнике,
Что остался только в памяти моей.
Он, как звёздочка в далёком далеке,
И, чем дальше, тем становится видней

Свет сиреневый, задумчивый слегка,
Тень трубы в индустриальных небесах...
Это память, что близка и далека,
Словно время на потерянных часах.

Д о м у з а в о д а

Кузнечно-прессового цеха тревожащие ахи-охи —
В звучащей памяти, как эхо полуразрушенной эпохи.
Казалось время неизменным. Куда ни глянь, — везде начало.
Дыханье пресса в третью смену баюкало и означало,

Что после гимна и курантов ночные страхи не тревожат
Жильцов, поэтов, музыкантов. А гул окрестный — он надёжен
Тяжелой мерностью и ритмом. Но ты не жди привет оттуда.
Дороги нет, хоть дверь открыта туда, где «был» сменило «буду».

* * *

Свет не меркнет, не гаснет — а просто мерцает незримо.
В небесах над печалью — мечты, словно голуби, кружат.
Невесёлые мысли бредут вдоль дороги под ними,
А весёлым надеждам — лишь воздух мерцающий нужен.

Этот свет, этот воздух, который так сладок в гортани,
Каждый миг, каждый день, он не меркнет, мерцая, сгорая...
На мечты уповая, шагаю за светом, что манит,
И пространство любви в нём мерцает от края до края.

* * *

Всё своё — лишь в себе, в себе,
И хорошее, и плохое.
В этой жизни, подобной борьбе,
Знаю точно, чего я стою.

Знаю точно, что всё пройдёт.
Всё пройдёт и начнётся снова.
И в душе моей битый лёд —
Лишь живительной влаги основа.

* * *

И взгляд, как поцелуй, короткий,
Но, всё ж, пронзающий насквозь,
И тень стремительной походки,
И ощущение, что «всерьёз»...

И тонкий луч, как стих Марины,
Сквозь одиночества печать...
И жизнь — как клинопись на глине,
Где мне не всё дано понять.

* * *

Претенденты на победу в марафоне!
Марафонский бег в отцепленном вагоне
Предвещает не победу, лишь участие
В том процессе, что зовут
«борьба за счастье».

Претенденты на победу в марафоне!
Марафонский бег в оцепленном вагоне,
предвещает он победы вам едва ли,
Не для вас куют победные медали.
Претенденты на медали в оцепленье
Цепь за цепью переходят
в наступленье.

Претенденты на победу в марафоне —
Это вам трубит труба в Иерихоне.

Не до жиру, не до бега, не до смеха...
Претенденты...
Претенде...
И только эхо...

* * *

Какою мерою измерить всё, что сбылось и не сбылось,
Приобретенья и потери, судьбу, пронзённую насквозь
Желаньем счастья и свободы, любви познанием и добра?..
О Боже, за спиною — годы, и от «сегодня» до «вчера»,

Как от зарплаты до расплаты — мгновений честные гроши.
Мгновений, трепетом объятых, впитавших ткань моей души.
А в ней — доставшийся в наследство набросок моего пути...
Цель не оправдывает средства, но помогает их найти.

* * *

Медальный отблеск крышек от кефира
Остался за границею веков.
Остались там же — очередь за сыром
И пионерский лозунг «Будь готов!»

Другая жизнь, хорошая, плохая,
В которой по соседству — зло с добром.
А для кого-то отраженье рая
В той крышке с её мнимым серебром.

* * *

Под прицелом — целая эпоха,
Где в осколках затаился страх.
Жизнь идёт от выдоха до вдоха,
Отражаясь в снайперских зрачках.

Горечь правды, суета обмана,
25-й кадр большой любви —
Под прицелом. Поздно или рано —
Выстрел, — словно выбор на крови.

* * *

У каждого свой Шао-Линь, а также маршрут к нему.
Не жми на «стоп-кран» — карантин уже гуляет в дому.
«Не бойся, не жди, не проси»... Хотя и научен ждать.
«Не везет» — не только такси, где я новичок опять.

Где я вспоминаю тебя сквозь расстояние и лень,
Где главное слово «любя», и рядом — «маску надень».
Сквозь точки и даже тире в дальней, родной стороне,
Ты моешь окно в букваре. И улыбаешься мне...

* * *

Давление вновь растёт.
Всё это — антициклон.
Мне кажется — я пилот,
И город, в который влюблён,

Даёт мне зелёный свет,
И я поднимаюсь ввысь,
Где рядом — лишь тень побед,
А прямо по курсу — жизнь.

* * *

Не слова, не отсутствие слов...
Может быть, ощущение полёта.
Может быть. Но ещё любовь —
Это будни, болезни, заботы.

И готовность помочь, спасти,
Улыбнуться в момент, когда худо.
Так бывает не часто, учти.
Но не реже, чем всякое чудо.

* * *

На рубеже весны и лета,
Когда прозрачны вечера,
Когда каштаны — как ракеты,
А жизнь внезапна, как игра,

Случайный дождь сквозь птичий гомон
Стреляет каплею в висок...
И счастье глохнет, как Бетховен,
И жизнь, как дождь, — наискосок.

* * *

Не подсказываю никому, потому что и сам не знаю.
Не пойму ничего. Не пойму. Начинается жизнь другая.
Может, время стихов ушло, время прозы суровой настало?
Жизнь, как птица с одним крылом, бьётся в каменной клетке квартала...

* * *

Идут незримые минуты, но внятен их тревожный гул.
Не забирай мою цикуту, я всё равно уже хлебнул.
Не забирай, прошу, не трогай, ты видишь — нет на мне лица.
Я подышу перед дорогой, я это выпью до конца.

Я всё равно уже отравлен, но мне отравы эта — всласть.
Там, где от центра до окраин не слаще выжить, чем пропасть.
И пусть свеча почти задута, я и допью, и допою.
Не забирай мою цикуту, пускай отраву, но мою!

* * *

Уходит время бескорыстных песен,
Всё реже слышно: «Друг, товарищ, брат»...
Всё чаще: неудачлив, значит — честен,
Зато нечестен — выгодно богат.

Ты чувствуешь, дружище, как уходит
Наивная застенчивость, и с ней —
Нелепое, как дым без парохода,
Теряет голос эхо наших дней.

* * *

У первых холодов — нестрашный вид —
В зелёных листьях притаилось лето.
И ощущение осени парит,
Как голубь мира над планетой.

А синева раскрытого зрачка
Подобна синеве небесной.
И даже грусть пока ещё легка,
Как будто пёрышко над бездной.

* * *

Хрупкое равенство дня и меня, и времени горький осадок.
А за спиною — всё та же возня, где вкус равнодушия — сладок.
Дней оголтелость упрячу в карман, тёплой ладонью согрею...
Тают обиды, и гаснет обман. И даже враги — добрее.

* * *

Каштаны погасли, и кончилось лето.
Хоть в летних мундирах стоят тополя,
Расстреляна листьями, полураздета,
Вращается, падая в пропасть, земля.

Разрывы сердец и ракетные взрывы.
И целящий в душу сквозной листопад...
И кто-то, взирающий неторопливо
На лица бегущих сквозь осень солдат.

* * *

«Неделовым» прописаны дела,
А «деловым» — как водится, успех.
«Неделовые» пишут: «Даль светла»,
А «деловые» знают: «Не для всех».

Но где-то там, за финишной прямой,
Где нет уже ни зависти, ни зла, —
Там только мгла и память за спиной,
Но память — лишь о том, что «даль светла».

* * *

Откуда рождается злость?
Из зависти или вражды,
Как лёд — из прозрачной воды,
Как из ботинка — гвоздь.

Цепляется грех за грех,
И холодно даже двоим...
От злости лекарство — успех.
Зачем он приходит к злым?

* * *

Вечерний город в сквозном тумане,
И память улиц сквозит во мне.
Как осень прячу каштан в кармане,
Каштаны гаснут — привет весне.

Каштаны мёрзнут, я вместе с ними,
Во встречных окнах зажглись огни...
Бульвары кажутся мне цветными,
И, словно листья, кружатся дни.

* * *

Детство пахнет цветами-майорами,
Что росли на соседнем дворе.
И вишнёвым вареньем, которое
Розовело в саду на костре.

Детство пахнет листвою осеннею,
Что под ветром взлетает, шурша...
Что ж так больно глазам? На мгновение
Запах детства узнала душа.

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

* * *

У зимы короткий век — чай да сахар, тары-бары.
Выпал снег, растаял снег. Новый год — и снова старый.
И, как будто ни при чём, вальс, звучащий в ритме снега,
Но чуть слышно под плечом — жизни пляшущее эхо.

Растворяется в груди дня короткого истома,
А в окошке, — погляди, тень танцующего дома,
Дом продрог, и дальний свет, пробиваясь ненароком,
Сам отыскивает след в день наивный и жестокий.

* * *

Закончится всё — и война, и беда,
Не раньше, не позже. В свой срок.
Но тех, кто ушел в никуда навсегда,
Утешит ли этот итог?

И, всё же, сквозь слёзы родни и страны,
Сквозь памяти строгий салют
Виднеется правда осколком луны,
И правду победой зовут...

* * *

Перемены погоды не в счёт. Ожидания их не напрасны.
Обжигаяще время печёт. Этот цвет ожидания — красный.
Предсказания стоят гроши, и намёки (на что?) не дороже.
Не молчанием время страшит. От его перемен стынет кожа...

* * *

Пыль динамитна, земля не нарядна.
Времени тень — над трубой заводской.
Быль позабыто легка. Ну и ладно.
Сердце не в клетке, в груди под рукой.

Быль не легка, но так быстро забыта...
Быстро, легко. И ни мысли вослед.
Эхо не памяти, а динамита.
Буквы... Слова... Ничего больше нет.

* * *

— *Что же из этого следует?*
— *Следует жить!*

Юрий Левитанский

Следует жить, даже если неведомо что
Завтра случится, а, может быть, и не случится.
Следует жить — у судьбы не бывает «потом»,
И потому, проверяя улыбками лица,

Следует жить не нарочно, не в долг, не в укор.
Наши ушедшие звёзды не меркнут, сгорая,
Нам оставляя и время своё, и простор...
«Следует жить» — завещание прямо из рая.

* * *

А в ритме марша или вальса проходят дни?
Какое дело дням минувшим
И тем, чьи души или уши
Пустынным сумеркам растерянными сродни...

И нитью музыки пространство прошито вновь.
Но что за цвет у нити, право...
Был золотым, а стал кровавым,
Как ритм, что сломан в песне старой про любовь...

* * *

Машина времени не выбирает путь.
Она проедет и по бездорожью.
И ни свернуть куда-нибудь, ни обмануть
Не хочет время, даже если может...

Чужое эхо отзывается на вскрик,
Чужое время вскормлено войною.
И отраженье времени в глазах твоих
По бездорожью мчится вслед за мною.

* * *

Под лежащий камень просочилась беда.
Это дождь со слезой целый день напролёт
И забытая память дороги туда,
Где пустыни становятся эхом болот.

Это капля за каплей в упор, наугад,
Это страх забыванья, что больно вдвойне.
И любви сквозь прощанье прощающий взгляд,
И страна, где водой стала кровь на войне.

* * *

Ангел по имени Пушкин, прекрасен и неубиен,
В небе парит и пророчит: мол, всё будет мило.
Памятник видит, и надпись читает: не Пушкин — Дассен.
И не поймет ничего серафим шестикрылый.

Ангел поёт про свободу, где счастья пленительный свет.
Пушкин читает, и память — опять рукотворна.
Сердцу, живущему будущим, воли в покое всё нет.
Время не ангелов — бесов, войны и поп-корна.

* * *

Встретимся на площади Героев.
Там, где рядом школьные уроки.
Помнишь, как гуляли мы с тобою.
Там, где время — близко и далёко,

Магомаев пел про лучший город,
И, казалось, всё звучит впервые
В том прошедшем времени, в котором
Все ещё живые. Все живые...

* * *

По ходу пьесы, где маршрут судьбы
С автобусным маршрутом схож,
Где всё от «вдруг» до «если, да кабы»,
Вокруг да около — «не трожь»!

Не трожь, не бойся, хоть пекут глаза,
Ведь в этой пьесе ты герой.
Маршрут проложен прямо в небеса,
Где первым может стать второй.

* * *

Я — проигрыватель старый, и сквозь хрип во мне слышны
Разноцветные гитары эхом сгнувшей страны.
Я пластинку поменяю, словно в зеркало взгляну.
«Широка страна родная»... Не видать уже страну.

Песен время золотое после или до войны...
«Ты да я, да мы с тобою», позабыты, чуть слышны
Эти бодрые напевы, эти слёзы и слова.
Жизнь качнулась вправо-влево... Закружилась голова.

Закружился вдоль орбиты мир, теряющий себя,
Кто-то думал: «шито-крыто», не скорбя и не любя.
Но пластинка заиграла, то слышна, то не слышна...
Вместо шумного вокзала — взорванная тишина.

* * *

Списком потерь обернулось прошедшее время.
Выдохом-вдохом ещё одного поколения.
Общее небо мерцает, прощаясь со всеми,
Время колеблется — верное или неверное.
Время проходит, запомнившись ветром в карманах,
Время друзей и врагов или бывших товарищей...
Список потерь сквозь пробитое небо над нами
Раной зияет открытой и не зарастающей.

* * *

Обрывки разговоров, обрезки слов и фраз...
Не говори, что скоро, пока он не угас,
Ты видишь — день искрится, пугая невпопад.
Растерянные птицы над залпами летят,
Где вновь обрывки речи, как эхо давних снов.
День растворяет вечер, как звездопад — любовь,
Ей неуютно, тесно на взорванной Земле,
Как дню, что гаснет честно у птицы на крыле.

* * *

Что же там за спиной? Вздох пространства «Вчера»,
Где прекрасное вдруг оказалось напрасным,
Где завяла опавшей листвой мишура.
Только кровь неизменна. И цвет её красный.

От «вчера» до «сегодня» мгновенный маршрут,
Сквозь абсурд, скорый суд и полынь с лебедою.
Нить судьбы с узелками, что только растут,
Продолжая маршрут меж войной и собою.

* * *

Мы слышим то, о чем молчим.
А то, что говорим, не слышим.
Опять над Родиной дым,
Опять не птицы в небе — крыши...

Там вкус отчаянья знаком,
Как дым Отечества, отчётлив.
Там день за днем, за домом дом
Война и мир сквозь «За» и «Против»...

* * *

Вечно тайный обоз желаний,
Продвигаясь, уходит в тень.
В небесах — ни границ, ни Германий,
Тень чужая, где все — мишень.

Тень чужая глаза неволит.
Воздух — будто сырой магнит.
И взрывною волной сквозь поле,
Как сквозь память, судьба летит...

* * *

Память о прошлом — в конвертах крылатых.
Жизнь пролетела, а память — пылится.
Всё вперемешку — забытые даты,
Эхо любви и знакомые лица.

Всё вперемешку — белеющий парус,
Чьи-то вопросы, увы, без ответа.
Это рассветы без взорванных пауз,
Счастье, что в памяти здесь, а не где-то...

* * *

Вот время недомолвок, тайных смыслов, прописных
Полузабытых истин (лево-право),
И снова в пасти «века-волкодава»
Запретный плод и тёмный лес обид в глазах твоих.

Над эхом памяти — блуждающий небесный гром
Куда, зачем? Грохочет снова, снова,
И вслед за крышами летит по небу слово,
Сквозь время и любовь, всё оставляя на потом...

* * *

А, кажется, что только позови —
И всё откликнется и станет лучше.
Хотя, что может лучше быть любви,
Которая всегда — счастливый случай.

А кажется... Но в жизни всё не так,
Как в песнях и стихах, где даль туманна,
Где ветром предстаёт любой сквозняк
А правда прорастает из обмана...

* * *

Скоропортящийся товар — это всё, от зимы до лета,
И гонявший телят Макар не найдёт поточней ответа.
Это дымки небесный свет, что как времени цвет беспечен...
Это счастье, где «да» и «нет» лишь слова или части речи.

* * *

Сколько было их — собраний, длинных прений, выступлений...
Важных, разных, неотложных... Сроки вышли. Боль прошла.
И прошедших ускорений, направлений и решений —
Эхо было и пропало, испарилось со стола.

Что осталось — растворимость «да» и «нет» сквозь смех и слёзы,
Чьи-то взгляды и улыбки, и дыханья млечный путь...
И осадок ожидания, словно сахар из глюкозы,
И прощания до встречи где-нибудь, когда-нибудь...

* * *

Здесь от стыда давно не умирают.
Но лица гаснут, как дневные звёзды,
Когда идут по краю, невзирая,
На то, что «рано» — это тоже «поздно».

И, кажется, что снова понедельник
Отсчитывает всё, что мы не в силах
Считать, понять, простить на самом деле...
Не лица гаснут — время, что забыло

Те огоньки, что с ветром трепетали,
И ветер приумолк, и память тоже.
Казалось, что удача — крепче стали.
Но сталь устала. Гаснет свет. И, всё же...

* * *

Минута за минутой... Как будто в автомат —
Монета за монетой. И нет пути назад.
От Альфы до Омеги — земной, не млечный путь.
Участвуя в забеге, не суждено свернуть,

Мы тратим, тратим, тратим... Но пригоршни минут
На всё про всё не хватит, хоть это — свой маршрут.
Судьбой сполна оплачен возникший дефицит.
Чужое эхо плачет, пока своё — молчит...

* * *

На склоне воскресенья и близлежащих лет
Сквозной зимне-весенний и предзакатный свет
Струится, не мигая, в случайной тишине,
Где у судьбы по краю легко и трудно мне

Шагать сквозь воскресенья разборчивый уют,
И в промелькнувшей тени узнать любовь свою,
Припомнить привкус счастья, слезу не зря храня,
Привычку возвращаться туда, где нет меня.

* * *

От «навсегда» до «никогда» протоптаны следы.
Быть может, смоем их вода. Но нет живой воды.
А есть живая карусель, там день сменяет ночь,
Чтобы за тридевять земель кому-то вновь помочь.

Уходят, чтоб вернуться в срок, не ведая куда,
Все те, кто смог или не смог, чьи дни, как поезда,
Идут от станции «рассвет» до станции «закат»
И чьих следов на карте нет, как нет имён ребят,

Прошедших там, где нет пути, где только друг не враг,
А потерять или найти — так это только шаг.
За шагом шаг, сквозь мир войны, минуя «да» и «нет»,
Следы ведут, всегда честны, на чёрно-белый свет.

* * *

В стране под названием «весна» искрятся на солнце рассветы.
«Зелёный» — до станции «лето», и песней звучит тишина.
Весна, как спасательный круг, дарует надежду на чудо.
Пускай мне пока ещё худо, весна мне поможет, как друг.

* * *

Классический сюжет, где Он, Она, Они,
И рядышком — Никто и прочие Другие...
И, как страницы книг, сигнальные огни,
Забытые слова сквозь эхо пандемии.

Как «быть или не быть», наш диалог с тобой,
Где фразы, как в бою, разорваны на части.
Узнать, понять, забыть... И что там — за строкой,
Где первая любовь зовёт чужое счастье.

* * *

Вот хвала-похвала — как халва-пахлава.
И порою слова — даже слаще.
Хоть в неправом бою неправа голова,
Но бессилён молчаще-стучащий
Ропот сердца, что слышен лишь клеткой грудной,
Да и то — только слева, не справа....
А хвала-похвала, что в победу длинной,
Сладко шепчет про право на «браво»...

* * *

Сколько верёвочке не виться...

Верёвочка петляет, шьётся, вьётся...
Листочек, падая, летит, летит,
Не жалуясь на ветер и на осень,
На мрак небес. И где он, тот магнит,
Который вместе с солнцем — выше, выше
Звал за собой, сквозь дальний листопад.
Но облака устало, хрипло дышат.
С верёвочкой петляя наугад...

* * *

Вдоль памяти, как будто вдоль дороги,
Витают непросроченные сны,
Смешными кажутся надежды и тревоги
И тень страны видна сквозь тень войны.

Мы в той стране с тобой уже не будем.
Хоть то же место, да не тот же час...
Она ушла. Ещё уходят люди.
Как эти сны, не вещи для нас...

* * *

Эхо гудящих стен и молчаливых дней.
И не понять — кто с кем. Жизни всегда видней.
Памяти патронташ туго набит бедой.
Кто это: наш — не наш? Отзыв чуть слышно: «Свой».

Эхо луганских нот прошлому не верну.
Плачет или поёт? Лучше спроси войну.
Там молчаливых дней встречная полоса,
Эхом парят над ней вечные небеса.

* * *

Голос тишины внятен иногда.
В нём живут слова тех, кто были живы.
Там, как первый блин, падает звезда,
И родным сердцам угрожают взрывы.

Время первых встреч и влюблённых глаз
Голос тишины — это наша память.
Это мы с тобой, как тогда, сейчас,
И не гаснет свет. Будто и не с нами.

* * *

Что же через годы будут петь
Новые былинники про нас?
Что подскажет будущего сеть,
Станет ли правдивым их рассказ?

Будет времени звучать дано,
Пушкинские строки не тая?
Я не жду, что в жизни, как в кино.
И не помню фильмов без вранья...

* * *

Маятник войны — как маятник Фуко.
Взгляд со стороны — близко и далеко.
Маятник беды — не дальше, чем враньё.
Ты или не ты — эхо беды твоё.

Справа — страшный суд, слева — концерт на бис.
Кто ушли — придут. Время, и ты вернись...
Времени злой дождь гасит небесный свет.
Верю, что придёшь. В маятник веры нет.

* * *

Учусь ничего не ждать, тем более, не просить.
Время поставит печать, времени тонкая нить
Свяжет прочней, чем слова, дело, судьбу и мечту.
Компот — на потом, сперва горькую правду прочту.

Горечь поможет уйти от красоты-пустоты,
С ней не всегда по пути, но с нею судьба — на «ты».
Ждать и просить ей не впрок, надо привычки менять.
Горечь сквозит между строк в каждом ответе на «пять»...

* * *

Говоришь, что правда у всех своя?
И чужая кровь — не в счёт?
Но там чьи-то падают сыновья,
Где кровь течет и печет...

Завтра забудется злое вчера,
Где бесам в радость беда...
От жизни не вылечат доктора.
От смерти — лишь иногда.

* * *

«Не бойся, не проси» — шепнул,
И был таков. Исчез.
Лишь пыль и непонятный гул.
Откуда гул? С небес.

Чудес не жду и не прошу —
На всё своя цена,
Хоть уши чувствуют лапшу,
А жизнь всего одна...

* * *

Памятник рукотворный, падая, видит небо.
В небе — свое отраженье, с вечными облаками,
Светлыми именами, эхом Бориса и Глеба.
Те, кто за ними — над нами и неизменно — с нами.

Не предавая память, небом наполнив площадь,
Памятнику просторно, даже когда невозможно
В эту беду поверить, да и понять не проще...
Бьют молотками, тянут через войну и таможеню.

* * *

Бродячим ветрам нет покоя.
В кроваво-красной вышине
Им что-то видится такое,
Что не видать тебе и мне.

Там пламя дальнего пожара,
Где между миром и войной
Мой дед с ружьём, ещё не старый,
И вечность за его спиной.

* * *

«Остановка Вылезайка» — говорила в детстве мама,
И трамвайное движенье гроыхало позади.
Позади уже так много — за горами-за лесами,
За небесными холмами тает эхо «выходи»!...

Тает эхо дней воскресных, парка Горького виденье,
Замирающий в пространстве незабытый перестук.
То трамвайный, то сердечный сквозь судьбу и день весенний.
Остановка Вылезайка, где казалось: время — друг...

* * *

«Как-то будет» — говорил мой дед...
 И ещё «Посмотрим» — говорил.
 Как-то было, даже если нет,
 Даже если не хватало сил
 Утро с вечером, простив, понять,
 Оставляя веру на потом.
 Веру в справедливость и в меня,
 В светлый путь, который за углом.
 Что успел в итоге посмотреть?
 Революцию и три войны.
 «Как-то будет»... Снова жизнь и смерть
 Без него, как будто с ним, видны.

* * *

Здравствуй, дедушка, это ведь я, твой «Курчатов»,
 Что не стал академиком, как ты мечтал.
 Всё случилось не так, как хотел ты когда-то,
 Если б только ты знал, если б ты только знал...
 Буратино с Незнайкой и с Кариком Валя —
 Время добрым казалось, бессмертным слегка.
 Мы читали с тобой, дни за днями листали...
 И судьбу прошивала дорогой строка.

Что успел — подарить мне любовь между строчек,
 Что хотел — научить не стесняться себя...
 Ты прости, что я был благодарным не очень.
 «Ты прости» — это нынче шепчу я, любя.
 Становлюсь на тебя я похожим с годами.
 Интересно, узнаешь меня, или нет...
 Преломляется время, парившее с нами,
 И рождает, как в детстве, мерцающий свет.

* * *

Чувствуешь — осень всего лишь в начале.
 Белочка тащит орех в закрома.
 Всё разноцветно, и даже в печали
 Кажется ярче и красочней тьма.

Ярче, просторнее живопись лета,
 Щедрый на скупость осенний портрет.
 Цветом укрыто мерцание света.
 Краски остались. А времени нет.

Содержание

Глубина резкости.....	3
Об авторе.....	9
«Выжить... Отдать, получить, накормить».....	10
«Совсем некстати опера слышна...».....	10
«Казалось, там оркестр, а это — ветер...».....	11
«Оставим за скобками яркие краски...».....	11
«Вновь время мертвых душ. Цена им грош...».....	12
«Было и прошло. Но не бесследно».....	12
«И, в самом деле, всё могло быть хуже...».....	13
«И музыка играла, и сердце трепетало...».....	13
«Всё пройдёт, проходит и прошло».....	14
«Дышу, как в последний раз, пока ещё свет не погас...».....	14

ОТКРЫТА В КОМНАТУ ВОСПОМИНАНИЙ ДВЕРЬ

«Открыта в комнату воспоминаний дверь...».....	16
«Упавшее небо давит на плечи...».....	16
«Ну, что с того, что не был там, где часть моей родни осталась».....	17
«А я из ушедшей эпохи, где бродят забытые сны».....	17
«Дым воспоминаний разъедает глаза».....	18
«Бессмертие — у каждого своё».....	18
«Лумумба, Дэвис, Корвалан...».....	19
«Облака плывут с востока, и державен их поток».....	19
«В своих безбожных небесах».....	20
«Где-то на окраине тревог...».....	21
«Неужто повторится и всё начнется снова?».....	21
«Запах «Красной Москвы» — середина двадцатого века».....	22
«Голос эпохи из радиоточки».....	22

«Яблоки-дички летят, летят... Падают на траву».....	23
«Не изабелла, не мускат, чья гроздь — селекции отрада».....	23
Я, К СОЖАЛЕНИЮ, ВИДЕЛ ЭТО...	

«Утренние новости. Семь часов».....	26
«Возвращаются забытые слова...».....	26
«Удар за ударом. Спасибо, Луганск...».....	27
«Я, к сожаленью, видел это...».....	27
«Понимаешь, какие дела...».....	28
«От прошлого не в восторге. Что в будущем? Нет ответа».....	28
«Тень Шекспира, пролетев над Украиной...».....	29
«Принимаю горечь дня, как лекарственное средство».....	29
«Не выкорчевываю корни — извлекаю».....	30
«Не отключается кнопка «Прошедшее время»...».....	30
«Не так уж много лет прошло...».....	31
«В Освенциме сегодня тишина».....	31
«Условно делимы на «право» и «лево».....	33
«Едем, едем... Кто-то кружит. Кто — петляет по спирали».....	33
«Из-под снега выглянет асфальт...».....	34
«Снегу не хватает белизны...».....	35
ДЕТСТВО.....	36
«Вспоминаю армейскую жизнь».....	37
«Пахнет армией зима».....	38
«Всё это нужно пережить, перетерпеть и переждать».....	38

ВРЕМЯ МЕНЯЕТ АДРЕС

«Учу глаголы, не затем, чтоб жечь...».....	40
«Эпоха непонимания, империя недоверия».....	40
«Время меняет адрес...».....	41

«А долгое время казалось, что всё ещё может вернуться...»	41
«О том же — другими словами»	42
«Двойные стандарты. А, может, тройные...»	42
«Казалось бы, пустяк... Не верить, или верить»	43
«В клетке грудной душа, видно, и впрямь томится...»	43
«Свет, преломляющий мир, словно хлеб...»	44
«Асфальтовой ниткой прошита тень небес»	44
«Оруэлл смотрит с небес, издалика...»	45
«Верят не в правду, а в то, во что хочется верить»	45
«Прохожу вдоль неузнанных лиц»	46
«По четвергам давно нет рыбных дней»	46
«По городу, в котором «да» и «нет»	47

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

«Тротиловый эквивалент любви»	50
«В мои летящие песни ты проникаешь сквозь воздух»	51
«Как живётся? — В контексте событий»	51
«Тёплый ветер, как подарок с юга»	52
«Всё своё — лишь в себе, в себе...»	52
«История любви забытой...»	53
«Подожди, душа моя...»	53
«Ожиданье чуда, как любви...»	54
«Гудки локомотивов маневровых...»	54
«Не слова, не отсутствие слов...»	55
«Самолёты летают реже»	55
«И взгляд, как поцелуй, короткий...»	56
«Опять всё мелочно и зыбко...»	56
«Сигаретный дым уходит в небо...»	57
«Давай не думать о плохом, страницы дней листая»	57

«По улице Советской иду, иду, иду...»	58
«Думаю о будущем и прошлом...»	58
«Каждый видит лишь то, что хочет»	59
«Среди мыслей о насущном хлебе...»	59
«В раю не все блаженствуют, однако»	60
«Незаконченность мира, любви, перемен...»	60
«У зависти и корень, и язык»	61
«Блеск хромовых сапог тогда...»	61
«Сединой в бороде серебрится прошедшее время»	62
«Не хватает не злости...»	62
«От возраста находок вдалеке»	63
«И бабка, что курила «Беломор»...»	63
«Что это? Горьких вишен»	64
«Удача в профиль и анфас»	64
«У дружбы и любви на страже...»	65
«Кленовых вертолётчиков полёт...»	65
«Хрупкое равенство дня и меня...»	66
«Небо сменило кожу, деревья меняют краску»	66
«Где-то на окраине тревог...»	67
«Как плахи нет без палача...»	67
«В небесную высь по наивности, видно, стремлюсь...»	68
«Мне все ещё как будто невдомёк...»	68
«Идут незримые минуты, но внятен их тревожный гул»	69
«Тороплюсь, не поспешая, медлю тоже невольно...»	69

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

«Ничего не изменилось...»	72
«От мыса «Надежда» до города «Счастье»	74
«Бывший ромб перестроился в круг...»	74

«С прошедшим временем вагоны»	75
«Всё — как прошлой зимой, то в окне, то в зрачках — непогода»	76
«Невзначай, ненароком, случайно...»	77
«Сбой в системе координат»	77
«Любовь, как поэзия, без дураков»	78
«Нет времени объятья раскрывать...»	78
« А ради чего, объясни, сквозь пальцы текут эти дни...»	79
«Провинциальных снов задумчивый простор...»	79
«На окраинах воздух свежей...»	80
«Больше дела, меньше слов, до свиданья, будь здоров!»...»	80
«Кажется, что смотрю в даль»	81
« — Всё хорошо. Только небо сердито...»	82
«Мама обожала мелодрамы...»	82
«Никого по отдельности нет»	83
«Среди забытых басен и былин...»	83
«Лежит судьба, как общая тетрадь...»	84
«Он попал под автобус «Ростов — Мариуполь»...»	84
«Увидь меня летящим, но только не в аду»	85
«Перпендикуляр в параллельных мирах...»	85
«Мне все ещё как будто невдомёк...»	86
«И тень в окне, и мысли озаренье...»	86
«Небо Аустерлица проглядывает сквозь синеву»	87
«Природа танца — в танцах от природы»	87
« — Ты слышишь, как сердце стучит у меня?»	88
«Подожди, душа моя...»	88
«Этот город, как «пятёрка» в дневнике...»	89
«Свет не меркнет, не гаснет — а просто мерцает незримо»	90
«Всё своё — лишь в себе, в себе...»	90
«И взгляд, как поцелуй, короткий...»	91

«Претенденты на победу в марафоне!»	91
«Какою мерою измерить всё, что сбылось и не сбылось...»	92
«Медальный отблеск крышек от кефира»	92
«Под прицелом — целая эпоха...»	93
«У каждого свой Шао-Линь, а также маршрут к нему»	93
«Давление вновь растёт»	94
«Не слова, не отсутствие слов...»	94
«На рубеже весны и лета...»	95
«Не подсказываю никому, потому что и сам не знаю»	95
«Идут незримые минуты, но внятен их тревожный гул»	96
«Уходит время бескорыстных песен...»	96
«У первых холодов — нестрашный вид...»	97
«Хрупкое равенство дня и меня, и времени горький осадок»	97
«Каштаны погасли, и кончилось лето»	98
«Неделовым» прописаны дела...»	98
«Откуда рождается злость?»	99
«Вечерний город в сквозном тумане...»	99
«Детство пахнет цветами-майорами...»	100

ИЗ НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

«У зимы короткий век — чай да сахар, тары-бары»	102
«Закончится всё — и война, и беда...»	102
«Перемены погоды не в счёт. Ожидания их не напрасны»	103
«Пыль динамитна, земля не нарядна»	103
«Следует жить, даже если неведомо что»	104
«А в ритме марша или вальса проходят дни?»	104
«Машина времени не выбирает путь»	105
«Под лежащий камень просочилась беда»	105
«Ангел по имени Пушкин, прекрасен и неубиен...»	106

«Встретимся на площади Героев»	106
«По ходу пьесы, где маршрут судьбы»	107
«Я — проигрыватель старый, и сквозь хрип во мне слышны»	107
«Списком потерь обернулось прошедшее время»	108
«Обрывки разговоров, обрезки слов и фраз...»	108
«Что же там за спиной? Вздох пространства «Вчера»...»	109
«Мы слышим то, о чем молчим»	109
«Вечно тайный обоз желаний...»	110
«Память о прошлом — в конвертах крылатых»	110
«Вот время недомолвок, тайных смыслов, прописных»	111
«А, кажется, что только позови...»	111
«Скоропортящийся товар — это всё, от зимы до лета...»	112
«Сколько было их — собраний, длинных прений, выступлений...»	112
«Здесь от стыда давно не умирают»	113
«Минута за минутой... Как будто в автомат...»	113
«На склоне воскресенья и близлежащих лет»	114
«От «навсегда» до «никогда» протоптаны следы»	114
«В стране под названием «весна» искрятся на солнце рассветы»	115
«Классический сюжет, где Он, Она, Они...»	115
«Вот хвала-похвала — как халва-пахлава»	115
«Верёвочка петляет, шьётся, вьётся...»	116
«Вдоль памяти, как будто вдоль дороги...»	116
«Эхо гудящих стен и молчаливых дней»	117
«Голос тишины внятн иногда»	117
«Что же через годы будут петь»	118
«Маятник войны — как маятник Фуко»	118
«Учусь ничего не ждать, тем более, не просить»	119
«Говоришь, что правда у всех своя?»	119
«Не бойся, не проси» — шепнул...»	120

«Памятник рукотворный, падая, видит небо»	120
«Бродячим ветрам нет покоя»	121
«Остановка Вылезайка» — говорила в детстве мама...»	121
«Как-то будет» — говорил мой дед...»	122
«Здравствуй, дедушка, это ведь я, твой «Курчатов»...»	122
«Чувствуешь — осень всего лишь в начале»	123

Литературно-художественное издание

Спектор Владимир

У ВРЕМЕНИ ПОД АНГЕЛЬСКИМ КРЫЛОМ...

Сборник стихотворений

ISBN 978-5-6052746-5-0

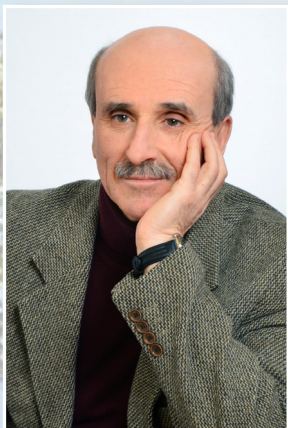
9 785605 274650 >

Издательство «АргоЛит»
Луганская Народная Республика,
г. Луганск
Тел.: +7 (959) 502-39-25
e-mail: argolit2020@list.ru

Подписано в печать 10.04.2025 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. лист. 7,67. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 012

Отпечатано в типографии
г. Луганск, ул. Даля, 36

Поэт и публицист Владимир Спектор родился в Луганске, где окончил машиностроительный институт. После службы в армии трудился в компании «Лугансктепловоз». Был ведущим конструктором, пресс-секретарем. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины. Работал журналистом, главным редактором телекомпании «Эфир-1».

Почетный председатель Межрегионального союза писателей. Редактор литературного альманаха и сайта "Свой вариант". Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Лауреат литературных премий, среди которых — имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Николая Тихонова. Среди публикаций — в журналах «Нева», «Юность», «Слово-Word», «Новый Континент», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «ВеликоРосс», «Камертон», «Вторник», «ЛиТерра», «Клаузура», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День Литературы», «Поэтоград»...

В 2022 году стал обладателем «Гран-При» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года на русском языке».

ISBN 978-5-6052746-5-0

9 785605 274650 >